

MIROSLAVA MIRKOVIĆ. Municipium S(): A Roman Town in the Central Balkans, Komini near Pljevlja, Montenegro. Oxford, 2012 (BAR international series 2357);

The Lower Danube Roman Limes (1st–6th c. AD). L. Vagalinski, N. Sharankov, S. Torbatov (eds.). Sofia, 2012

Две рецензируемые ниже книги, вышедшие практически одновременно, существенно отличаются друг от друга форматом, объемом, местом написания и страной издания, однако их объединяет нечто общее. Обе они посвящены истории Балкан римского времени – периоду, интерес к которому традиционен у отечественных исследователей, а их авторами являются ведущие специалисты в этой отрасли знания. Действительно, автор первой из рассматриваемых книг, историк и эпиграфист профессор Мирослава Миркович – авторитетнейший и опытный эксперт по Центральным Балканам, и многие ее труды – как, например, работа «Римские города на Дунае и в Верхней Мёзии»¹, – входят в «золотой фонд» исторической балканистики. Новая монография этого заслуженного исследователя посвящена анализу истории одного римского города, известного в литературе как *Municipium S.*, ныне находящегося вблизи села Комини близ Плевля в Черногории, недалеко от сербской границы.

Как пишет М. Миркович в предисловии к книге (с. iv), ее основной целью «было собрать, прокомментировать и опубликовать все надписи и попытаться реконструировать жизнь города с I по IV век», основываясь на литературных, археологических и эпиграфических источниках. В этой связи можно сразу отметить, что литературных свидетельств для этого анализа, собственно, и нет – речь в данном случае скорее идет о достаточно косвенных, допускающих различные интерпретации данных древних авторов об «иллирийском» населении региона до момента основания города, о чем речь пойдет ниже. Исследование М. Миркович построено, естественно, не на пустом месте – этот римский город на Балканах был известен европейцам с конца XVIII в., а в 60–70-х годах прошлого века комплексное исследование памятника было предпринято под руководством Александрины Церманович-Кузманович. Преобладающее число латинских надписей из *Municipium S.* было опубликовано, и многие авторы высказали свои подчас различные взгляды на (пред)историю населенного пункта и его название. Эти вопросы рассматриваются М. Миркович в вводной главе книги (с. 1–8), за которой следует интереснейший раздел, озаглавленный «Местное население: местные и иммигранты» (с. 9–24). Автор использует различные источники, в том числе и литературные, для анализа до римской этнической истории региона, в котором уже в римское время возникнет *Municipium S.* По целому ряду причин этот анализ оказывается достаточно приблизительным и в первую очередь в связи с тем, что авторы античности не оставили нам сколь-нибудь полного и точного описания распространения «иллирийских» племен, в том числе и в Центральных Балканах, а границы между этими племенами были подвижны. Слово «иллирийский» неслучайно взято здесь в кавычки, – хотя, безусловно, эпоха мышления в терминах паниллиризма уже давно прошла, и исследователи говорят о «собственно иллирийцах» или используют этот термин как общее название для целых групп племен, вероятно говоривших на генетически близких языках или диалектах (например, паннонский), определение «иллирийскости» продолжает быть крайне расплывчатым, а их язык, по образному определению Х. Айхнера, остается «неизвестным языком»². Особое внимание М. Миркович уделяет пирустам – племени или группе племен, которые могли в какое-то время обитать в этом регионе. В античных источниках пирустов определяют и как южноиллирийский народ, и как паннонскую общность, однако М. Миркович не задается ставшим в последние десятилетия важнейшим вопросом об этнической принадлежности и (само)идентификации групп людей, которых авторы античности называли «иллирийцами», чему посвящено немало работ, в первую очередь – Д. Джино³, и, соответственно, этот раздел монографии написан, на мой взгляд, излишне традиционно. Археологические сведения о населении долины реки Лим в доримское время также не способствуют созданию какой-либо полной картины – на сегодняшний день в регионе Плевля неизвестен «иллирийский» материал, датироваемый позже VI века до н.э., а «кельтская» интерпретация захоронения, обнаруженного в 35 км к северу от Плевля, в принципе возможная, как считает автор, может быть и не обязательна (с. 13–14). Последнее положение, позволяющее, вместе с М. Миркович, по

¹ Mirković 1968.

² Eichner 2004.

³ Например Dzino 2008.

крайней мере, ставить вопрос о присутствии скордисков на этой территории Черногории, нуждается в существенной ревизии исходя из современной парадигмы анализа⁴. Впрочем, несмотря на всю традиционность анализа, представленного в этих разделах работы, невозможно не согласиться с М. Миркович в том, что «судьба иллирийцев и других народов Центральных Балкан (каких – ? скордисков – ? – А.Ф.) в этой части Центральных Балкан с V века до н.э. и до прихода римлян остается загадочной» (с. 15).

Ономастический компонент этой дискуссии основывается на анализе нелатинских личных имен в эпиграфике уже римского города. М. Миркович выделяет кельтский пласт антропонимов, часть которых действительно является галльскими (например *Iaritus*), в то время как многие из указанных антропонимов (например, *Belzeius*, *Lautus* и *Argurianus*) следует рассматривать по-другому⁵. Автор книги (с. 21–22) вслед за Г. Алфёльди полагает, что их носителями могли бы быть кельты-скордиски, проникнувшие в регион в результате «вторичной кельтской миграции из бассейна р. Сава», или отдельное кельтское племя, участвовавшее в балканских передвижениях. Оба эти объяснения, по крайней мере, теоретически, допустимы, однако приводимая также и ссылка на яподов, которые рассматриваются как «иллиро-кельтское племя» или «иллирийский народ, испытывавший сильное кельтское влияние», выглядят анахронично – согласно Д. Джино⁶, материальная культура яподов сопоставима с памятниками либурнов, истрийцев и венетов, а также обнаруживает связи с колапианами, и, в целом, яподы приняли участие в «средиземноморской глобализации» еще в доримское время, в то время как лингвистический компонент кельтского влияния в отношении яподов существенно переоценен⁷.

М. Миркович находит в эпиграфике римского города и фракийские антропонимы (*Bessus*, *Teres*⁸) и полагает, что они принадлежат иммигрантам (с. 22). Она отмечает, что фракийский компонент античной истории Центральных Балкан остается дискуссионным, ссылаясь на работы К. Патча начала прошлого века и Ф. Папазоглу 70-х годов⁹, и так как эти имена зафиксированы в латинских надписях римского времени, М. Миркович считает такое их объяснение наиболее правдоподобным. Подобная методология, однако, может поставить вопрос и о сходном происхождении кельтских имен. Что же касается собственно «иллирийских имен», то они, как показал еще Р. Катичич, относятся к так называемому «среднедалматскому антропонимическому комплексу»¹⁰. В этой связи актуальным становится вопрос о миграционном характере этой части населения города уже в римское время.

Третья и самая большая глава книги (с. 25–51), снабженная впечатляющими фотографиями, посвящена уже собственно римскому городу и открывается описанием его территории. Название города, известное только благодаря эпиграфике и нуждающееся в реконструкции, что рассматривалось, в том числе, и в специально посвященных этому вопросу работах (например Г. Альфёльди, Дж. Уилкеса и С. Лома)¹¹, остается дискуссионным. М. Миркович (с. 28–30) анализирует источники и критическую литературу и высказывается в поддержку интерпретации названия как *Municipium S(ponistarum)*, отдавая, впрочем, себе отчет в том, «что решительные аргументы, которые могли бы способствовать развитию раскрытию сокращения *S.*, отсутствуют» (с. 30), что находит отражение и в названии монографии. Далее автор рассматривает вопрос о римской администрации города и его жителях, основываясь на данных латинских надписей и разумно выходя за пределы городских стен. Подавляющее количество этих памятников известно исследователям (исключение составляет,

⁴ См. Dzino 2008 – для «иллирийских» территорий; ср. Emilov 2012, 92–93 – в более широкой балканской перспективе.

⁵ См. Falileyev 2013, 30–31, 76–77.

⁶ Dzino 2007; 2008a.

⁷ См. Фалилеев 2012, 199–205.

⁸ В связи с этим см. неучтенные в монографии работы Д. Дана; непосредственно в связи с этими именами ср. Dana 2011, 33.

⁹ Patsch 1907; Papazoglou 1974. Территории современной Черногории не рассматриваются в недавнем фундаментальном обзоре фракийской проблематики Н. Теодосиева. Автор, впрочем, отмечает, что «границы Фракии были относительными, изменяющимися и крайне динамичными», и особое внимание следует уделить его изящной трактовке понятия «фракийцы», которую я привожу в оригинале: «‘Thracians’ is a cumulative and relative ethnonym that included a great number of various tribes, often sharing a common culture, religion and language, but sometimes being quite different, while mixed groups consisting of local people who lived besides the Greeks, Persians, Paeonians, Illyrians, Macedonians, Scythians, Celts and Romans inhabited particular areas of Thrace, which were turned into zones of interaction» (Theodossiev 2011, 2–4).

¹⁰ Katičić 1962: Mitteldalmatische Namengebiet.

¹¹ Alföldy 1962; Wilkes 1965; Loma 1997.

например, любопытнейшая надпись из Комини – D(is) M(anibus) [S(acrum)?] / Iaro [.] / RI q(ui) v(ixit) a(nnis) [...] Clem [.]¹², и каждой надписи предшествуют список предшествующих публикаций и/или существующих комментариев. Эти списки являются достаточно полными, но не исчерпывающими¹³. Обитателей города хоронили на двух некрополях, причем захоронения на первом не прерывались в связи с появлением второго кладбища. В следующей главе «Кладбища, могилы и семьи в римском муниципииуме» (с. 52–60) М. Миркович рассматривает известные по эпиграфическим данным (ряд надписей публикуется впервые) семьи города. Заключительная глава книги (с. 61–64) посвящена особенностям номенклатуры и системе родства в Муниципииуме (имена с двумя когноминами и т.д.), за которой следует краткое заключение (с. 65–66). В разделе «Addendum» опубликованы уже известные по другим изданиям надписи из округа Приполья и Пльевля (с. 71–72).

В целом очевидно, что монография представляет значительный интерес для специалистов по латинской эпиграфике (и не только на Балканах), а также ономастике. В этом отношении, впрочем, следует с некоторым недоумением отметить видимое отсутствие ссылок на фундаментальные работы, скажем, Х. Солина или И. Кайанто¹⁴, и, что, вероятно, может вызвать еще большее недоумение – это ряд лакун, образованных невниманием к географически близкому эпиграфическому материалу. Так, в связи с *Plares* ср. надпись из Радоинья в Полиме, *S(ilvano) Au(gusto) s(acrum) / Aur(elius) Plar(es) l(ibens) p(osuit)*, опубликованную и проанализированную Светланой Лома¹⁵. Анализ эпиграфических памятников, представленный в работе, может вызвать и методологические замечания¹⁶. К сожалению, автор не ставил своей задачей анализ Муниципииума в контексте римской урбанизации этого региона¹⁷, что, на мой взгляд, существенно уменьшает собственно историческую ценность этого труда. Хотя книга выпущена в престижной серии монографий, поразительно отсутствие тщательной редактуры текста. Это проявляется в значительном количестве опечаток: *Aexandrina* вместо *Alexandrina* (с. iv), *Kolovar* вместо *Kolovrat* (с. 9), *inkluding* вместо *including* (с. 12). В ряде случаев книга сохраняет сербский язык оригинала (например, с. 45 *i* вместо *and*, с. 48 *ili* вместо *instead*), и иногда перевод выглядит не совсем удачным, как в случае с *Novi Pazar during the Romans* (с. 5).

Некоторые вопросы римского города на Балканах поднимаются и во второй рецензируемой книге, которая представляет собой сборник статей болгарских ученых, посвященный XXII Международному конгрессу по истории римского лimesа, состоявшемуся в г. Русе (Болгария) 6–11 сентября 2012 г. В первую очередь следует отметить важнейшую статью Румена Иванова, посвященную римскому лimesу на территории современной Болгарии (с. 23–42). Статья является весьма удачным обобщающим синтезом всех наработок по этой проблематике. Помимо прочего, она содержит очень полезную таблицу локализации римских населенных пунктов на берегу болгарского Дуная, в том числе и известных по минимальному количеству источников, и чье географическое положение продолжает оставаться дискуссионным, и снабжена новейшей библиографией¹⁸. Одному из этих населенных пунктов, Тримамииуму (*Trimantium*, совр. Мечка), посвящено обстоятельное исследование С. Торбатова (с. 429–460), в котором помимо археологических данных весьма успешно используются эпиграфические материалы и сочинения античных авторов, а история этого римского поселения написана на высочайшем научном уровне. Значительное количество включенных в сборник статей нацелены на анализ отдельных аспектов римского присутствия на Болгарском Дунае. Очевидный интерес вызывает статья Е. Генчевой о находках римского оружия (с. 83–119), в которой рассматриваются как компоненты защиты воина (щиты, панцири и т.д.), так и собственно вооружения. К сожалению, видимо, по соображениям объема, параферналия (флаги и т.д.) в ее изящном обзоре не учтена, и можно только надеяться, что этим вопросам будет посвящена отдельная работа Е. Генчевой, известного болгарского автора. В снабженной большим количеством иллюстраций статье Р. Милчевой проанализирована римская портретная скульптура региона (с. 159–195). Автор приходит к выводу о том, что развитие данного жанра на этой периферии римского мира шло в основном в соответствии с общими веяниями времени. Акведуки римских лагерей на Дунае анализируются в статье И. Царова (с. 195–

¹² Ср. теперь Falileyev 2013, 76.

¹³ См. Лома 2002 (статья упоминается в другом месте монографии, но мы не находим ее в библиографии) для надписей 1–4 в коллекции М. Миркович.

¹⁴ Kajanto 1965, Solin 2003.

¹⁵ Лома 2009. Там же см. иное чтение надписи 55 из коллекции М. Миркович.

¹⁶ См. в связи с этим аспектом, например, Adams, Tobler 2007.

¹⁷ О чем см. неучтенную в исследовании важнейшую работу – Wilkes 2003.

¹⁸ Вышедшая в том же году фундаментальная работа Р. Иванова (Ivanov 2012) из-за высокой цены (180 евро от издателя) будет недоступна даже для многих российских библиотек.

210). Некоторые аспекты римской архитектуры нижнедунайского лимеса подробно рассматриваются в работе З. Дмитрова (с. 121–158).

Несомненный интерес российских исследователей вызовет емкая статья И. Боянова, посвященная ветеранам в Нижней Мёзии и Фракии во время Принципата (с. 251–270). Социальная история дунайских римских провинций всегда привлекала внимание российских ученых (достаточно назвать в этой связи такие имена, как Ю.К. Колосовская или Е.М. Штаерман), и эта статья, суммирующая и продолжающая фундаментальное исследование автора¹⁹, содержит довольно интересные выводы. С точки зрения автора, ветераны в рассматриваемых регионах не стали, как считалось в более ранней литературе, элитой, и их «статус является не следствием увеличения их привилегий, но сокращения оказываемого ими влияния». Следующая за этой работой статья О. Александрова (с. 271–288) посвящена религиозным культам римской армии в Нижней Мёзии. В регионе известно более двухсот посвященных надписей воинов, в которых упоминаются имена более пятидесяти богов. О. Александров тщательно каталогизирует эти данные (официальные и неофициальные культы, местные и восточные божества и т.д.) и приходит к выводу, что хотя они свидетельствуют об определенной локальной специфике, в целом мы находим такое же положение дел и в других провинциях (с. 286).

Этот, впрочем, вполне ожидаемый вывод, нуждается в некоторых комментариях, так как, с точки зрения автора этой статьи (там же), единственное отличие в использовании римской системы в Нижней Мёзии от других «пограничных провинций» является следствием социального фактора (social environment), поскольку в этой провинции «религия римской армии развивалась в окружении древних фракийских культурных традиций». Понятно, что автор использует здесь термин «фракийцы» в широком смысле этого слова (ср. прим. 1). О племенах, населявших Мёзию с середины I в. н.э. до середины I века н.э. по свидетельствам авторов античности, см. помещенную первым в этом сборнике статью Д. Ботевой (с. 9–22), где наряду с фракийцами упоминаются геты, дарданцы, бесы, даки, иллирийцы и т.д. Александров резонно отмечает, что рекрутами для римских легионов провинции с середины II в. становятся относительно слабо романизированные местные жители²⁰, что и привело к созданию дошедшей до наших дней ситуации. Однако социально-политическая предпосылка этого развития в первую очередь, как представляется, была обусловлена не социальным, а собственно культурным фактором. Примечательно, что в разделе, посвященном локальным культам (с. 279–289), Александров обращает внимание на значительное количество посвящений одному лишь так называемому «фракийскому всаднику», которые составляют около 16% от всех рассматриваемых автором памятников. До наших дней дошло немало имен фракийских божеств, и хотя интерпретация фракийских религиозных верований, основанная на анализе разных данных, но обычно в сочетании со сведениями типологической ценности, когда средневековые ирландские саги цитируются вместе с фрагментами «Авесты» или «Илиады», часто приводит к противоположным результатам²¹, их отсутствие в воинских надписях примечательно. Понятно, что поставленная Александровым тема нуждается в монографическом освящении, и хочется выразить надежду, что рано или поздно такая монография появится.

Работа И. Чолакова (с. 63–81) посвящена истории экономики рассматриваемого региона в I–VII вв. и основана на анализе находок орудий этого времени в североболгарских землях²². Большинство этих находок, как и ожидалось, связано с сельским хозяйством, а также с деревообработкой, работой по металлу, со строительством, текстильной и кожевенной отраслями. Примечательно, что большинство сельскохозяйственных орудий было найдено на небольших поселениях, в то время как изделия, ассоциируемые с животноводством, археологи находят преимущественно на территории военных лагерей. Несмотря на традиционность рассматриваемых инструментов, что зачастую затрудняет их точную датировку, их исследование приводит к интересным результатам при анализе экономической истории региона. Позднеантичным ювелирным мастерским Нижнего Подунавья посвящена статья Б. Думанова (с. 405–428), в которой анализируются как прямые, так и косвенные свидетельства ювелирного производства в ареале, а в работе П. Владковой центром внимания стала обработка кости и рога в античном Новое (с. 211–250). Некрополь готского времени близ этого города посвящена и вторая работа этого же автора (с. 477–496). В целом ряде других вошедших в сборник исследований рассматриваются различные аспекты позднеантичной истории нижнедунай-

¹⁹ Боянов 2008. В более широком балканском контексте см. также анализ этой проблематики в исследовании: Ферјанчић 2002.

²⁰ В скобках можно отметить, что многие, в том числе и отечественные исследователи, нередко об этом забывают: см. Иванчик, Фалилеев 2011.

²¹ См. Theodossiev 2011, 11 с важной библиографией.

²² Ср. также – в более широком контексте – Чолаков 2010.

ского лимеса, а историки христианства, к примеру, будут заинтересованы важными обобщениями в объемной статье Г. Атанасова (с. 327–380).

Хотя вопросы, связанные с римским военным присутствием, затрагиваются в целом ряде статей этого сборника, можно было бы ожидать в столь энциклопедическом собрании и специально посвященную данной проблеме работу²³. Однако упрек в эклектичности этому изданию нельзя предъявить: перед нами отнюдь не энциклопедия по истории нижнедунайского лимеса, а великолепно изданный и богато иллюстрированный том, представляющий собой синтез достижений болгарских исследователей по анализу заявленной в названии проблематики. Нет сомнения и в том, что особенно он будет полезен большой группе читателей, не владеющей болгарским языком. Впрочем, поскольку многие из помещенных в сборнике статей основаны на материалах недавних монографий, написанных по-болгарски, специалистам во многих случаях придется возвращаться к первоисточникам. Книга отлично вычитана. Хотя в научной литературе имеется немало претензий к английскому языку публикаций, вышедших в Восточной Европе, этого сборника это не касается, как, впрочем, и многих других англоязычных изданий Национального Археологического института с музеем БАН²⁴.

Литература

1. Боянов И. 2008: Римските ветерани в Долна Мизия и Тракия (I–III вв.). София.
2. Иванчик А.И., Фалилев А.И. 2011: *Porus Bonus* или *Porobonus*? Латинское посвящение из Ольвии // ВДИ. 2, 135–143.
3. Лома С. 2002: Проблеми идентификације, уређења и становништва муниципија S. // Гласник Завичајног музеја. 3, 9–23.
4. Лома С. 2009: Нови римски епиграфски налази из Полимља // Милешевски записи. 8, 11–27.
5. Фалилев А.И. 2012: *Selecta Celto-Balkanica*. СПб.
6. Ферјанчић С. 2002: С. Ферјанчић, Насељавање легијских ветерана у Балканским провинцијама. Београд.
7. Чолаков И.Д. 2010: Римски и ранновизантијски метални инструменти от територијата на България (I – началото на VII век). София.
8. Adams G.W., Tobler R. 2007: *Romano-British Tombstones between the 1st and 3rd Centuries*. Epigraphy, Gender and Familial Relations. Oxf.
9. Alföldy G. 1962: Σπλονον – Sponum // *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 10, 3–12.
10. Dana D. 2011: Onomastic Thracicum (Onom Thrac). Répertoire des noms indigènes de Thrace, Macédoine Orientale, Mésies, Dacie et Bithynie // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 17, 25–45.
11. Džino D. 2007: Рец.: B. Olujić, *Japodi* (Zagreb 2006) // *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja*. 36, 274–281.
12. Džino D. 2008: Deconstructing ‘Illyrians’: Zeitgeist, Changing Perceptions and the Identity of peoples from Ancient Illyricum // *Croatian Studies Review*. 5, 43–55.
13. Džino D. 2008a: «The people who are Illyrians and Celts»: Strabo and the identities of the ‘barbarians’ from Illyricum // *Arheološki Vestnik*. 59, 371–380.
14. Eichner H. 2004: Illyrisch – die unbekannte Sprache // *Die Illyrer. Archäologische Funde des 1. Vorchristlichen Jahrtausends aus Albanien*. Asparn–Zaya, 92–117.
15. Emilov J. 2012: Рец.: The Eastern Celts (Koper–Beograd 2011) // *Archaeologia Bulgarica*. 16, 85–96.
16. Falileyev A. 2013: *The Celtic Balkans*. Aberystwyth.
17. Ivanov R. 2012: *Tabula Imperii Romani. K-35/2 Philippopolis*. Sofia.
18. Kajanto I. 1965: *The Latin Cognomina*. Helsinki.
19. Katičić R. 1962: Das mitteldalmatische Namengebiet // *Živa Antika*. 12, 255–292.
20. Loma S. 1997: Zur Frage des Municipiums S. und seines Namens // *Mélanges d’histoire et d’épigraphie offerts à Fanoula Papazoglou / M. Mirković et al (eds.)*. Beograd, 185–230.
21. *Matei-Popescu F.* 2010: *The Roman Army in Moesia Inferior*. București.
22. Megaw J.V. S. 2011: Рец.: In search of Celtic Tylis in Thrace (Sofia 2010) / L. Vagalinski (ed.) // *Archaeologia Bulgarica*. 15, 83–86.
23. Mirković M. 1968: *Rimski gradovi na Dunavu u Gornjoj Meziji*. Beograd.

²³ В связи с этим см. исследование Matei-Popescu 2010, которое не может не заинтересовать отечественных специалистов.

²⁴ Ср., например, Megaw 2011, 85.

24. *Papazoglou F.* 1974: Sur quelques noms 'thraces' en Illyrie // *Godišnjak*. 12, 59–73.
25. *Patsch C.* 1907: Thrakische Spuren an der Adria // *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts*. 10, 169–74.
26. *Solin H.* 2003: Die griechischen Personennamen in Rom. Ein Namenbuch. B.–N.Y.
27. *Theodossiev N.* 2011: Ancient Thrace during the First Millennium BC // *The Black Sea, Greece, Anatolia and Europe in the First Millennium BC / G.R. Tsetschladze (ed.)*. Leuven–Paris–Walpole (Mass.), 1–60.
28. *Wilkes J.* 1965: Σπλονον – Sponnum again // *Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 13, 111–25.
29. *Wilkes J.J.* 2003: The Towns of Roman Dalmatia // *The archaeology of Roman Towns: studies in honour of John S. Wacher / P. Wilson (ed.)*. Oxf. 233–241.

А.И. Фаллеев,
доктор филологических наук,
Институт лингвистических исследований РАН